

Не оказалось удачнымъ: я въ гнѣвѣ своемъ пребываю.
 Фениксъ-же пусть остается средь насъ и въ палаткѣ ночуетъ,
 Чтобы со мной на судахъ отплыть въ дорожную отчизну
 Завтра съ зарей, если захочетъ: насильно его не возьму я».

Такъ онъ промолвилъ. Они неподвижно хранили молчанье, 430.
 Слышанной рѣчи дивясь, ибо сильное слово сказалъ онъ.
 Фениксъ ему, наконецъ, престалѣлый наѣздникъ, отвѣтилъ,
 Слезы ручьемъ проливая, — за флотъ Аргивянъ онъ боялся:

«Если, о славный Ахиллъ, ты и вправду задумалъ вернуться,
 Если отъ быстрыхъ судовъ отвратить истребительный пламень 435.
 Ты не желаешь, и гнѣвъ такъ глубоко запалъ тебѣ въ душу, —
 Какъ я одинъ безъ тебя здѣсь останусь, дитя дорогое?

Старецъ наѣздникъ Пелей послалъ меня вмѣстѣ съ тобою,
 Въ день, какъ изъ Фтіи тебя къ Агамемнону въ Аргосъ отправилъ,
 Юнымъ еще, не видавшимъ войны, безъ разбора жестокой, 440.
 И неискуснымъ въ совѣтахъ, гдѣ многіе славы достигли.

Съ тѣмъ онъ меня и послалъ, чтобъ тебя здѣсь всему научилъ я:
 Быть и витіей въ рѣчахъ, и въ дѣлахъ исполнителемъ скорымъ.
 Вотъ почему, о дитя дорогое, съ тобою разстаться
 Я-бъ не желалъ, даже если-бъ какой-нибудь богъ общалъ мнѣ 445.

Старость съ меня соскоблить, сдѣлавъ столь-же цвѣтущимъ, какимъ я
 Былъ, покидая впервые Элладу, гдѣ жены прекрасны,
 Гнѣва отца избѣгая — Аминтора, сына Ормена.

Изъ-за наложницы онъ разсердился прекрасноволосой,
 Ибо, ее полюбивъ, онъ жену — мою мать — презирать сталъ. 450.

Мать-же, касаясь колѣнъ, безпрестанно меня умоляла
 Съ дѣвой смѣшаться въ любви, чтобы старецъ ей сталъ ненавистенъ,
 Такъ, повинувась, я сдѣлалъ. Узнавши, отецъ меня вскорѣ
 Проклялъ проклятьемъ великимъ, зывая къ Эриніямъ страшнымъ,
 Чтобъ на колѣни къ нему никогда не садился любезный 455.

Сынъ, отъ меня порожденный. Исполнили боги проклятье,
 Зевсъ преисподней — Плутонъ — съ Персефоной, внушающей ужасъ.
 Въ гнѣвѣ хотѣлъ я отца умертвить заостренною мѣдью,
 Только, должно быть, безсмертный смирилъ этотъ гнѣвъ и напомнилъ
 Мнѣ о народной молвѣ и людскихъ укоризнахъ безъ счета, 460.

Какъ-бы потомъ не прослыть мнѣ межъ Греками отцеубійцей.
 Не позволяло однако въ груди моей гордое сердце
 Долше въ дворцѣ оставаться, покуда отецъ мой сердился.
 Тѣсной толпою меня обступили друзья и родные,
 Долго меня умоляли, чтобъ съ ними въ дворцѣ я остался. 465.